

МЕМУАРЫ АВАНТЮРИСТА ДЖАКОМО КАЗАНОВЫ

[зарисовки социальных типов XVIII в.]

В один из последних дней 1820 г. в кабинет лейпцигского книгоиздателя Ф. Брокгауза постучался некий Карло Анджолини. Гость из Италии предложил издателю приобрести у него объемистый манускрипт (600 листов) на французском языке, озаглавленный «История моей жизни до 1797 года». Его автором был двоюродный дед Анджолини — Джакомо Казанова, к тому времени совершенно уже позабытый миром третьестепенный литератор. Брокгауз сначала бегло просмотрел рукопись, потом стал читать внимательнее и, забыв о профессиональной сдержанности, настолько увлекся, что весь долгий декабрьский вечер не покидал своего кабинета, склонившись над пожелтевшими листами. Спустя несколько дней, перевернув последнюю страницу этого необыкновенного «жизненного романа», Брокгауз уплатил Анджолини требуемые 800 талеров.

В 1822 г. в Лейпциге вышло первое издание «Мемуаров» (так они были озаглавлены) Казановы в сокращенном переводе на немецкий язык. Вскоре после того они были изданы в Париже (в обратном переводе с немецкого!). Среди читающей публики «Мемуары» пользовались успехом, но в ученом мире их сразу заподозрили в апокрифичности — конец XVIII в. вообще изобилует такого рода литературой. В 40-е годы XIX в. французский академик П. Лакруа счел «Мемуары», изданные к тому времени в подлиннике, литературной мистификацией Стендаля, и это мнение некоторое время держалось в литературных кругах. Последующие исследования подтвердили авторство Казановы, но еще долго оставалось подозрение, что двоюродного деда синьора Анджолини отличала необыкновенная пылкость воображения и что большую часть своих похождения он попросту сочинил.

Первые издания «Мемуаров» изобиловали грубыми искажениями и подчистками. Не свободны от ошибок и все последующие издания. И лишь в 1960 г., т. е. спустя почти полтора столетия после первой публикации, одновременно в Париже и Висбадене увидел свет аутентичный текст. За эти полтора столетия «Мемуары» обросли огромной литературой. О Казанове написаны сотни книг и статей на разных языках. Чтобы объять всю эту «казановиану», понадобился целый библиографический обзор (к настоящему времени в значительной степени устаревший)¹.

Уже в прошлом веке усердные исследователи и дотошные «служители Клио» устремились по следам авантюриста, проверяя и перепроверяя его записки документами эпохи, роаясь в семейных архивах, метрических книгах, полицейских протоколах. Их усилия во всяком случае позволили установить, что «Мемуары» — не выдумка. Правда, кое-где ученые подловили автора на погрешностях против истины: в городе Н., например, Казанова прельстил не супругу бургомистра, а всего лишь супругу помощника бургомистра, тут он спутал даты, там — названия городов. По-видимому, вымышлен им от начала до конца его вояж в Константинополь² (дань ориенталомании того времени). Но это детали. В целом Казанова в «Мемуарах» правдив, историю своей жизни он

¹ J. Childs. Casanoviana: An Annotated Bibliography. Virginia, 1956.

² R. Abirached. Casanova ou la dussipation. Paris, 1961, p. 217.

рассказывает с циничной откровенностью, порой с бесстыдством. Усилия изыскателей позволили выявить некоторые особо темные стороны деятельности авантюриста, о которых он все-таки предпочел умолчать; они позволили, наконец, дописать историю его жизни: «Мемуары», вопреки обещанию титульного листа, доведены лишь до 1774 г., а Казанова умер в 1798-м.

Значение «Мемуаров» как исторического источника оценивают по-разному. А. Дзоттоли, например, называет их «богатейшим источником»³. Р. Абирашед утверждает противоположное: «В его «Мемуарах», — пишет он, — предстает опереточный образ XVIII в.; с таким же успехом о нашем времени можно судить по светским сплетням наших журналистов»⁴. Вероятно, это последнее суждение все-таки несправедливо. Верно, что «Мемуары» дают преимущественно салонно-будуарно-практичный срез эпохи, но вместе с этим в них можно найти множество сведений о самых разных пластах жизни тогдашней Европы — столь многогранна была деятельность авантюриста. Полезны «Мемуары» для изучения нравов, культуры эпохи. Американский исследователь П. Нэттли написал книгу о музыкальной и театральной жизни того времени, опираясь в основном на сведения, почерпнутые у Казановы⁵.

Но вернемся к герою «Мемуаров». Хотя он, как выяснилось со временем, принадлежит истории, на него заявляет свои права и изящная словесность. Многих беллетристов манила тема Казановы, назовем лишь некоторых из них: Г. фон Гофмансталь, Р. Олдингтон, А. де Ренье, М. Ростан, поэтесса М. Цветаева, А. Шницлер (пожалуй, сюда надо отнести и С. Цвейга, весьма субъективно трактующего образ Казановы). «Мемуары», при несомненном литературном мастерстве их автора, характеризует все же некоторая сухость, однотонность изложения, несколько напоминающая рисунки сепией, что, впрочем, свойственно большинству литературных памятников этой эпохи. Если еще принять во внимание их необычайное богатство ситуаций, то легко понять возникший для упомянутых беллетристов соблазн «расцветить» «Мемуары» красками собственной фантазии, подвергнуть их своего рода поэтической аранжировке. Вольно интерпретируемый образ Казановы стал обретать черты «кочующего» образа, подобно образу Дон Жуана, который тоже имел когда-то своего прототипа. Но именно «комплекс донжуанства» привлекает в Казанове большинство писавших о нем («его имя — это программа», — читаем у Р. Абирашеда⁶), причем такой комплекс рассматривается в качестве некоего вечного атрибута человеческой натуры, отвлеченно от конкретных социальных условий, подменяемых (поскольку речь идет о современных авторах) вневременным экзистенциалистским универсумом.

Между тем Джакомо Казанова был сыном своего века. И хотя он, как мы сказали, и принадлежит истории, сама история в XVIII в. делалась без Казановы или, во всяком случае, при его минимальном участии. Но даже эта историческая неприспособленность делает личность венецианского искателя приключений показательной. Фигура авантюриста не была случайной в канун буржуазных революций, а Казанову недаром прозвали «князем авантюристов» — он, пожалуй, наиболее полно воплотил их типические черты. Вот почему интерес к «Мемуарам» и к их автору выходит за рамки обычного интереса к остросюжетной литературе. В индивидуальных судьбах с большей или меньшей полнотой преломляется общественная психология конкретного исторического периода. Джакомо Казанова был, можно сказать, побочным продуктом своей эпохи — эпохи загнивания, разложения феодализма — и вместе с тем одним из наиболее выразительных ее «характеров» (как тогда было принято говорить), и в этом качестве он по-своему ярко иллюстрирует ее.

Джованни Джакомо Казанова родился в Венеции в 1725 г. Республика переживала последнее столетие своего почти тысячелетнего существования, и дни ее величия и славы оставались далеко позади. Даже в отнюдь не передовой тогда Италии ее отличала экономическая и социальная отсталость. Город на каналах как будто остановился в историческом развитии. Плесневели каменные арки мостов. «Пахло рыбой, стоячей водой и исторической перезрелостью»⁷.

³ A. Zottoli. Giacomo Casanova, vol. II. Roma, 1945, p. 31.

⁴ R. Abirached. Op. cit., p. 121.

⁵ P. Nettl. The Other Casanova. New York, 1970.

⁶ R. Abirached. Op. cit., p. 168.

⁷ J. Masters. Casanova. London, 1969, p. 59.

Матерью Казановы была красивая, но не слишком одаренная актриса — дочь сапожника, она сделала карьеру, лишь презрев женскую цепетильность. Фамилию свою мальчик унаследовал от одного из мужей своей матери, тоже актера. Неведомо, кто был настоящим отцом Джованни Джакомо. Это последнее обстоятельство не помешало ему в «Мемуарах» расписать свою родословную, восходящую будто бы к некоему испанскому идалго времен реконкисты⁸.

Ребенок рос «под сенью кулис». Впрочем, применительно к Венеции того времени трудно было бы сказать, где кончались подмостки и начинались кулисы. Театральная жизнь была ключом, представления устраивались не только в стационарных театрах, но и во дворцах патрициев и даже под открытым небом, где нередко в спектакль вмешивались зрители. Старинная импровизационная комедия масок переживала последний расцвет (Гольдони и Гоцци вдохнули в нее новую жизнь). Историки искусства, описывая этот поздний культурный всплеск венецианского сеттеченто, отмечают его несколько лихорадочный характер, напоминающий о румянце чихоточного. Было действительно что-то предзакатное в этом театрально-карнавально-маскарадном вихре.

Мать Казановы, игравшая хороших коломбин, рассчитывала, что сын, когда вырастет, станет Арлекином. Не будет слишком большой натяжкой утверждать, что из сына вырос Бригелла (только Бригелла высокого полета, для которого подмостками послужила вся Европа). В отличие от простодушного Арлекина, Бригелла — хитрый, продувной интриган, волокита, наглый фанфарон и беззащитный клеветник.

Но эту «артистическую» карьеру Казановы трудно было предвидеть в его раннем детстве — «от избытка крови» ребенок рос туповатым увальнем. Потом здоровье поправилось, но карьере ему все же избрали другую, духовную, и отдали его в иезуитскую школу. Сам Казанова признавался впоследствии в частном письме, что мечтал в детстве стать доктором. Во-первых, ему импонировал щеголяющий ученой латынью Доктор из комедии масок, а главное — медицинская практика предоставляла, по его мнению, более возможностей для шарлатанства, чем какое-либо иное поприще⁹.

В 15 лет Казанова рукоположен в аббаты. Но ни сутана, ни тонзура не могут воспрепятствовать суетному направлению его мыслей. Он становится приживалом в доме престарелого сенатора Малипьеро. Здесь он водится с патрицианской знатью, обучается «политесу» и таким вполне светским наукам, как фехтование и танцы. Одно досадное обстоятельство сокращает его пребывание в сенаторском доме: Казанова проявляет повышенный интерес к юной содержанке своего сластолюбивого патрона. В одно утро на чересчур забывшегося юного аббата обрушились яростные удары тростью и ему едва удалось унести ноги от разгневанного сенатора.

Казанова возвращается в иезуитскую школу и, так как у него не было ни гроша в кармане, продает часть школьной утвари. Его ловят с поличным и сажают в карцер. Он бежит оттуда. Его вновь ловят и опять сажают, на этот раз в форт Сан-Андрео. Казанова бежит и оттуда. Раздобыв рекомендательные письма, он покидает Венецию ради далекой Калабрии, где его ожидает приход. Первое путешествие, первые дорожные приключения: корабль, на котором он плывет, застигнутый бурей, относит к восточному побережью Адриатики. Лишь через несколько месяцев ему удается добраться к месту назначения.

Калабрия производит на Казанову гнетущее впечатление: «забытый богом», выжженный солнцем край, нищий приход, все это не по нему. Не задерживаясь здесь, он сворачивает на север, в места более благодатные — Неаполь, потом Рим. В Риме молодой аббат становится секретарем у одного из кардиналов, быстро приобретает репутацию ревностного слуги церкви, замечен папой Бенедиктом XIV. Он сам в это время мечтает сделаться в будущем папой. Но опять любовная интрижка нарушает мирное течение его карьеры: выясняется, что проживавший с ним вместе миловидный аббат — переодетая женщина, разразился скандал, и купидону в сутане приходится распрощаться с мечтой о тиаре, покинуть Рим и вернуться в Венецию.

В пути у него крадут сутану. Для Казановы это повод навсегда отказаться от стеснительного духовного сана. Он обряжается в блестящий офицерский мундир, выгодно обрисовывающий его очень высокую, атлетическую фигуру. Так он возвращается в го-

⁸ «Mémoires de J. Casanova de Seingalt, écrits par lui-même» (далее — «Mémoires»), vol. I—IV. Paris, 1960, vol. I, p. 3.

⁹ B. D o b r e e. Giacomo Casanova. Hamburg, 1934, p. 7.

род на каналах — «с лютым видом, с пустым карманом», как поется у Мопарта, да еще с твердым намерением половить рыбку в мутной воде.

Попачалу Казанове приходится перебиваться случайными заработками: то он выполняет сомнительные поручения знатных покровителей, то играет на скрипке в оркестре Сан-Самуэль, то служит помощником у потарнуса. Потом находит себе «инструмент», который более, чем скрипичный смычок или гусиное перо, соответствует его наклонностям: карточную колоду. Нечистая игра становится для него одним из источников существования. В «Мемуарах» Казанова не раз сетует, что попал-де в «дурную компанию», где его обыграли, обманули. Полицейские протоколы свидетельствуют о другом: обычно в «дурную компанию» попадали как раз те, кто садился за игорный стол вместе с Казановой, ибо он был одним из искуснейших шулеров своего времени (и, наверное, самым выносливым физически: однажды он 42 часа подряд не вставал из-за игорного стола). Но когда это было возможно, Казанова прятался за чужую спину: так, в описываемое время он содержал в Венеции игорный дом вкупе с пекии Кроче, причем шулерствовал Кроче, а Казанова лишь исполнял обязанности «честного» крупье.

Его амурным приключениям нет числа. Лунными венецианскими ночами его влечет неслышно скользящая гондола; закутанный в плащ, в маске, он стучится в чьи-то потайные двери, перелезает высокие каменные заборы, проникает в чьи-то заброшенные сады. В тех случаях, когда пасуют его красноречие и его золото, он прибегает к другому козырю: с таинственным видом он сообщает предмету своих домогательств о своей связи с потусторонними силами и о проистекающей отсюда его, Казановы, власти совершать всяческие чудеса. Он посвящен в цифирное колдовство каббалы, в «тайны» черной магии и астрологии. Этот оккультный багаж сослужил Казанове хорошую службу, и отнюдь не только в сердечных делах. На долгом жизненном пути авантюриста не было недостатка в протачках, пожелавших заручиться поддержкой нечистой силы ценою дукатов или цехинов, перекочевавших в карман бывшего аббата.

Так как долго на одном месте Казанове никогда не сиделось, он около 1750 г. совершает длительный вояж по чужим странам. Париж, Страсбург, Дрезден, Вена... По пути в Париж, в Лионе, происходит немаловажное в его жизни событие, о котором он лишь мимоходом упоминает в «Мемуарах»: его принимают в масонскую ложу¹⁰. Трудно представить, чтобы Казанову могли прельстить туманные идеалы «вольных каменщиков». Несомненно другое: принадлежность к тайному обществу, объединявшему немало высокопоставленных особ, послужила для него, человека без положения в обществе, проходимца, своего рода отмычкой, открывавшей перед ним многие двери в разных концах Европы.

В столице Франции, слывшей тогда «столицей мира», венецианец осваивает тонкости парижского «вольнодумства», с сильным уклоном в распушенность. Благодаря своим связям с масонами, ему удается проникнуть в высокие сферы. Казанову запросто принимают послы Англии, Австрии, на него обращает внимание всемогущая маркиза де Помпадур. Он блистает в салонах: его довольно хороший французский язык приправлен антической солью остроумия, у него феноменальная память, и он помнит, например, наизусть всего Горация, палету подхватывает чужие идеи, развивает их и выдает за свои собственные. Казанова с беспримерной самоуверенностью берется судить обо всем на свете — от проблемы навигации в северных широтах до правил стихосложения. Он «на дружеской ноге» с Д'Аламбером, Кребийоном Младшим, Фонтенелем и даже сам в эту пору сочиняет сатиры и атеистические поэмы.

Когда он возвращается в Венецию, его там уже почитают «парижанином» и авторитетом в области новейших достижений человеческой мысли. Но венецианская «сладкая жизнь» вдруг обернулась для Казановы драматически. Июльским днем 1755 г. неожиданно-негаданно для него самого его арестовали; картинные венецианские лучники препроводили его в тюрьму. Причин для его ареста было множество. Во-первых, Казанова в своих памфлетах неосторожно осмелял театральные постановки, в которых оказался материально заинтересован сам венецианский инквизитор синьор Кондулмер. Другие причины: занятия черной магией, шулерство, диффамация и клевета, «дело с рукой трупа» (желая отомстить одному из своих обидчиков, Казанова, надругавшись ночью над чьей-то могилой и отрезав у трупа руку, подложил ее обидчику в постель —

¹⁰ «Mémoires», vol. II, p. 276.

того парализовало на всю жизнь), светские дуэли, трактирные драки с поножовщиной, «покушения на стыдливость» и прочие смертные грехи.

Казанову посадили в Карчери, знаменитую венецианскую тюрьму, примыкавшую к дворцу Дожей. Некогда Тинторетто, в своей фресковой композиции в церкви Сан-Микеле пожелавший изобразить ад как можно нагляднее, избрал в качестве «натуры» именно Карчери. Тесная, низкая камера, кишевшая крысами — сырая зимой, летом в ней делалось невыносимо душно от раскалявшихся свинцовых крыш — таким было новое жилище непоседливого авантюриста. В маленькое зарешеченное окошечко видны были лишь кусочки неба и арка Фоскари с ее аллегорическими Добродетелями, да еще мост Вздохов. Под мостом проплывали гондолы, вечерами оттуда доносились звуки мандолин, песни, смех. Положение узника усугублялось неизвестностью: с утонченной жестокостью ему не сообщили о приговоре суда (приговор был — пять лет тюрьмы).

В ночь на 1 ноября 1756 г. Казанова вместе с другим заключенным совершил беспрецедентный по дерзости побег. Со временем он сделался легендарным и ныне считается такой же неотъемлемой достопримечательностью дворца Дожей, как сам этот дворец неотъемлем от Венеции. В итоге долгих усилий узникам удалось в ту ночь пробить ход на крышу дворца. Было около 8 часов вечера и на небе только что взойшла яркая луна. Луна отпугнула Казанову: он рассчитывал, что, если они проберутся наверх, она будет отбрасывать их тени прямо на площадь св. Марка. Оставалось выжидать. Судьба, однако, благоприятствовала беглецам: еще до полуночи луна скрылась и на землю опустился густой туман, так что теперь они смогли, наконец, выйти на крышу. К своему разочарованию, никакого пути вниз они оттуда не обнаружили.

Все же Казанове посчастливилось найти на крыше лестницу и небольшую веревку. Маневрируя ими на головокружительной высоте, Казанове удалось проникнуть в окно одного из верхних этажей. Попад в пустынное помещение, беглецы стали блуждать в бесконечных анфиладах дворца, в лабиринте коридоров и лестниц. Добравшись, наконец, до первого этажа, они выпрыгнули в окно, выходящее во внутренний двор. Казанова был в том виде, в каком его арестовали — в нарядной шляпе и в камзоле «для любовных походов в августе». Увидев его, один из дежуривших у выхода стражей крикнул другому, что тот, по-видимому, запер во дворце какую-то важную персону, и поспешил отворить ворота. С изумлением он оглядел приблизившегося, не по сезону одетого, помятого франта, но Казанова, спокойно переговариваясь со своим спутником, твердым шагом вышел воп.

У набережной беглецов ждала гондола. Забрезжил рассвет, и спокойную ширь лагуны уже рябил утренний ветерок. Скоро растворилась в тумане громада дворца Дожей, город на каналах остался позади. Еще через сутки Казанова оказывается за пределами венецианской территории, он спешит прочь от «неблагодарной отчизны» в Париж, ставший ему второй родиной.

Казанова не только сумел совершить сенсационный побег, но и «выгодно продать» его. Хотя в «Мемуарах» он комически сетует, что ему вспоминать «о побеге стало столь тягостно, что кажется легче было совершить самый побег»¹¹, в действительности он никогда не уставал пересказывать его, как и некоторые другие свои приключения. Позднее он даже написал книжку о побеге из Карчери (она вышла анонимно) — его первая проба пера в мемуарном жанре¹².

Но пока ему нелегко было браться за перо: в Париже Казанова был по горло занят другими делами. Благодаря рекомендациям знатных покровителей, он становится вхож к кое-кому из министров, проникшихся доверием к этому представляющемуся всезнающим, всемогущим венецианцем. Даже осторожный Шуазель, ведающий иностранными делами, не прочь был воспользоваться услугами этого ловкого человека. А генеральный контролер финансов де Булонь, полагая, что имеет дело с искусственным финансистом, поверил ему свою заботу: надо, не вводя новых налогов, где-то срочно изыскать 20 млн. ливров для дополнительного ассигнования на военные нужды (шла Семилетняя война).

Казанова отвечал сразу, не раздумывая: «У меня есть проект, который принесет королю 100 млн.»¹³. Ни малейшего представления о том, как раздобыть эту гро-

¹¹ «Mémoires», vol. III, p. 342.

¹² «Relation de ma fuite des prisons de la république de Venise...». Halle, 1791.

¹³ «Mémoires», vol. III, p. 347.

мадную сумму, у него не было, просто он руководствовался правилом, которое впоследствии сформулировал Наполеон: «надо взяться, а там будет видно». Сам генеральный контролер подсказал авантюристу «его» идею: это была лотерея. Французское финансовое ведомство со времен Регентства и Джона Лоу уже не раз прибегало для всякого рода рискованных махинаций к услугам сомнительной репутации дельцов.

Вскоре Казанове пришлось сменить счета финансиста на записную книжку шпиона. Морской министр де Кресси поручил венецианцу особо неотложное задание: на рейде Дюнкерка стояла иностранная эскадра, необходимо было разузнать о ней все, что представится возможным. Казанова поскакал в Дюнкерк. С паспортом венецианского дипломата он проник на корабли, фиксируя в памяти с фотографической точностью все поддающееся осмотру. Обходительность иностранца, шампанское, на которое он не скупился, развязало офицерам языки, так что по возвращении в Париж Казанова смог представить в министерство обстоятельный отчет, содержавший детальное описание судов, их оснастки, вооружения, построения команды.

Едва Казанова возвратился из Дюнкерка, как Шуазель послал его в Голландию с важной дипломатическо-финансовой миссией. Ему предстояло разместить в этой стране французские ценные бумаги, для чего необходимо было убедить голландских толстосумов в скором победоносном (для Франции) окончании войны. Эта миссия вполне удалась Казанове. Свое пребывание на берегах Зейдер-зее он использовал еще и для организации своих собственных коммерческих предприятий (о чем он вскользь упоминает в «Мемуарах»), и тоже, по-видимому, весьма успешно.

Помимо дел государственной важности, у Казановы в Париже много других забот. Он выводит прыщи с лица герцогини Шартрской, богатейшей маркизе д'Юрфе обещает средствами черной магии изменить пол, коршит над рецептом «философского камня», открывает мануфактуру по производству шелконабивных тканей (мануфактура работает плохо и частично тому виной сам хозяин, одолевающий вниманием хорошеньких работниц). Словом, Казанова — здесь, Казанова — там. Его личные дела, переплетаясь с «общественными», изобилуют такими невероятными приключениями, каким мог бы позавидовать, пожалуй, сам А. Лесаж. «Он выше Жиль Блаза и Хромого беса», — записал князь де Линь, послушавшись рассказней престарелого авантюриста¹⁴.

Конец парижского «просперити» Казановы наступил так же внезапно, как и в Венеции. 8 октября 1759 г. в двери особняка на улице Монторгей, лишь незадолго до того приобретенного разбогатевшим авантюристом, постучалась полиция. Оснований для его ареста было предостаточно — неоплаченные векселя, мошенническое маклерство, скандальные альковные похождения, клевета, сводничество, избивание таможенников и т. д. Но арестовать венецианца на этот раз не удалось — он уже два месяца как отбыл из Парижа в Голландию, опять с государственным заданием: ему поручили разместить там облигации французского 5-процентного займа. Особняк на улице Монторгей больше не увидел своего хозяина, Шуазель поспешил его дезавуировать, на карьере венецианца на службе короля Франции была поставлена точка.

Прежде чем продолжить повествование о дальнейших похождениях Казановы-Бригеллы, коснемся, забегаая вперед, одного знаменательного события в парижской жизни, имеющего косвенное отношение к нашей теме. 23 февраля 1775 г. на сцене театра французской комедии впервые появился наряженный в щегольской испанский костюм проворный Фигаро — «Севильский цирюльник» Бомарше. С точки зрения формально-театральной Фигаро — развитие темы Бригеллы, но в новых исторических условиях, в канун штурма Бастилии, традиционный персонаж претерпел решительную трансформацию. Эта трансформация завершилась в «Женитьбе Фигаро», поставленной 10 лет спустя, в 1784 г.

Известное выражение Наполеона, назвавшего представление «Женитьбы Фигаро» «революцией уже в действии», как и другое высказывание — Дантона — о том, что «Фигаро убил аристократию»¹⁵, едва ли можно считать всего лишь литературным прие-

¹⁴ Le prince de Ligne. Caractères et portraits. Paris, 1879, p. 192. Того же мнения держится и современный литературный рынок на Западе: в отличие от малочитаемого сейчас даже во Франции Лесажа «дайджесты» «Мемуаров» Казановы неизменно расходятся огромными тиражами — вероятно, здесь сказалось и предпочтение, оказываемое ныне документальности перед художественным вымыслом.

¹⁵ С. А р т а м о н о в. Бомарше. М., 1960, стр. 224, 240.

мом, именуемым метонимией. Образ Фигаро выражал этап роста самосознания третьего сословия и сам имел такое революционизирующее воздействие, какое трудно переоценить (труды просветителей были доступны лишь образованным людям, тогда как с «цирюльником» познакомилась вся Франция).

Казанова, говоря языком Бомарше, служит интересным дополнением к Фигаро, т. е. исторически реальный Казанова формально как бы сходен с литературным персонажем Бомарше (за которым можно рассмотреть исторически реального автора). Схожесть Казановы с «цирюльником» была подмечена уже его современниками: «не-что от Фигаро» увидел в нем, например, наблюдательный де Линь¹⁶. Но социальная и нравственная дистанция между венецианцем и «севильцем» огромна: один выражает тип авантюриста, прихлебателя вырождающегося феодального дворянства, циника и проходимца, а другой — энергию и предприимчивость «третьего сословия», т. е. прогрессивный тип эпохи.

Герой плутовского романа — пикаро так же характерен для литературы XVIII в., как фигура авантюриста — для реальной действительности этого века. Уже на заре столетия образмышленого, энергичного пройдохи из «низов» создал А. Лесаж, отталкиваясь как от наблюдений за окружающей жизнью, так и от стереотипов комедии масок. В. Зомбарт, исследовавший историю «капиталистического духа», усматривал в авантюрном поведении пикаро одно из типических проявлений этого «духа»¹⁷. На связь «плутовства» с дальнейшим развитием буржуазного предпринимательства, буржуазной культуры указывал Горький: «В XIX в., — писал он, — ... мелкое плутовство приняло героические и внушительные объемы на биржах, в парламенте, в прессе»¹⁸.

Вместе с тем едва ли правомерно отождествлять, как это делает Зомбарт, всякое нарушение «традиционного поведения» в целях наживы с буржуазным деячеством, а во всех «нетрадиционных» способах добывания денег (Зомбарт объединяет биржевую игру и карточную, кладонискательство и прожектерство) видеть начало капиталистического предпринимательства. Социальный характер буржуа сформировался на принципах так называемой протестантской этики, предполагавшей не только индивидуализм и предприимчивость, но и расчетливость, самоограничение, накопительство (это, например, балзаковские отец Горю и папаша Гранде). Образ действий пикаро не укладывается в рамки требований, предъявляемых такого рода этической моделью. Правильнее было бы сказать, что «плутовство» сопутствовало процессу разложения феодализма, дискредитации традиционной морали; но «канализовалось» оно в разных направлениях.

Буржуазия в XVIII в. еще не отделяла себя от массы народа, еще не выкристаллизовался социально-психологический тип буржуа, папаша Гранде еще не родился или, во всяком случае, не сделался типическим. «Третье сословие» в целом противостояло господствующему классу; этим и определялась его недостаточная социально-психологическая дифференцированность. Вот почему Фигаро стал настоящим героем этого сословия, здравомыслящим, жизнелюбивым и энергичным, хотя нельзя утверждать с уверенностью, что в нем не проступили бы в будущем черты папашы Гранде. В то же время часть буржуазии была тесно связана с дворянством и в культурном отношении была коррумпирована близостью к нравственно-разложившимся «верхам». Отсюда и различия в конечном назначении «плутовства».

Сам Бомарше, подобный своему герою, в высокой степени наделен был духом авантюризма и прожектерства, его Фигаро «брил всех подряд» отнюдь не только в буквальном смысле. При всем том «цирюльник» — носитель новой, «конструктивной» морали, он противостоит аристократам, осмеивает их, утверждает свое превосходство над ними. Казанова же, напротив, стремился рассмешить аристократов, подражал им, хотя и обводил их вокруг пальца.

Правда, иногда ему, внуку сапожника, дается философическая усмешка здравомыслящего плебея — когда, например, он наблюдает раболепие высокородных герцогов и графов перед особами короля и королевы в Версале¹⁹. Подчас он негодует на «этих чванных вельмож»: хотя, благодаря своему уму и беспримерной дерзости, ему удастся

¹⁶ Le prince de Ligne. Op. cit., p. 191.

¹⁷ В. Зомбарт. Буржуа. М., [б.г.], стр. 31.

¹⁸ А. М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 27. М., 1953, стр. 307.

¹⁹ «Mémoires», vol. II, p. 319—320.

проникнуть в салоны для избранных, он там «на птичьих правах», при первой возможности перед ним захлопываются двери — и тогда он рвет и мечет, бессильный преодолеть этот кастовый барьер. Но снова и снова он спешит вскочить на запятки аристократической карьеры, урвать побольше от господского пирога.

Казанова не бросает вызова ни земным властям, ни небесным. Его в целом устраивает существующее положение вещей, всякие надежды на более справедливое общественное устройство представляются ему вредными и химерическими. «Вас ослепляет любовь к человечеству, — выговаривает он Вольтеру, — ... народ может быть счастлив... лишь в цепях»²⁰.

Хотя сам он объявляет себя в духе времени вольтерьянцем и даже норовит попасть в «скептический причет» энциклопедистов, венецианец в то же время подчеркивает свои прекрасные отношения с церковью. Он всегда охотно исповедуется и причащается, когда это требуется, и если иногда он и позволяет себе салонные остроты в адрес религии, то потом готов в них раскаяться. Так произошло, в частности, в Испании, где дружеская беседа с самим Великим инквизитором загладила его легкомыслие. «Я жил как философ и умираю как христианин», — сказал будто бы Казанова на смертном одре²¹. Его многочисленные таинственные встречи с иезуитами дали некоторым авторам основание предположить, что он состоял в «Обществе Иисуса», умудряясь совмещать пребывание в этом ордене с масонством. Во всяком случае, он, по-видимому, оказал какие-то важные услуги церкви, потому что в 1773 г. папа Климент XVIII наградил его высоким орденом Золотой шпоры.

«Вольтерьянец» к тому же еще и суеверен, и в этом он не отличается от тех доверчивых простаков, которых надувает кабалистическими фокусами, ибо сам верит в их волшебную силу. Однажды он едва не лишился чувств, обнаружив у некоей «колдуньи» свою восковую фигурку (украшенную орденом Золотой шпоры), утыканную «магическими» булавками. В другой раз «вмешательство свыше» побудило его отказаться от намерения обольстить крестьянскую девушку как раз на пороге ее дома: внезапный блеск молнии и раскат грома поразили искуителя, он усмотрел в этом «божий гнев» и поспешил ретироваться. Казанова, вероятно, никогда не отважился бы, подобно Дон Жуану, пожать руку каменному Командору²².

Наглый со слабыми, лукаво угодливый с сильными, венецианец тоже старался «брить всех подряд», паразитируя за счет паразитирующего, причем исторически уже обреченного, класса. Разложение вековых устоев создает атмосферу, когда все позволено и для того, чтобы преуспеть, требуется лишь смелость и неразборчивость в средствах. Казанова так и писал в одном частном письме: «Я считаю, что мне все позволено»²³.

Он чистосердечно признается в своей «непреодолимой склонности к удовольствию»²⁴. И в этом Казанова был сыном своего века — можно говорить о явственно гедонической окраске всей культурной жизни XVIII столетия (речь идет, разумеется, о господствующей культуре). То была погоня за наслаждением шедшей к упадку аристократии под девизом «после нас хоть потоп», и утонченный гедонизм искусства, светлая и возвышенная «услуга духа» у Моцарта, выходящая далеко за рамки классовой ограниченности, и «отвлеченный» гедонизм философов-просветителей, изображавших «в остроумной форме весёлый и легкомысленный образ жизни тогдашнего общества»²⁵ и звавших к буржуазному прогрессу»²⁶. Последние создали целую философию наслаждения, наивно полагая, что ее можно применить ко всем индивидам, абстрагированно от условий их жизни. Казанова тоже не прочь пофилософствовать на тему о наслаждении, о «полноте чувств», но он отнюдь не утруждает себя

²⁰ Ibid., vol. IV, p. 450.

²¹ J. le Gras. Le véritable Casanova. Paris, 1950, p. 119.

²² Уже на закате дней венецианцу довелось встретиться с Дон Жуаном. Это случилось в октябре 1787 г., когда пражская опера готовилась к первой постановке оперы Моцарта. В репетиционные часы на сцене театра можно было тогда увидеть высокого громогласного господина — то был мессер Джакомо, дававший обильные указания актерам. Либретто оперы было написано Да Понте совместно с Казановой, и последний принял деятельное участие в ее постановке. Так что он, можно считать, сам участвовал в наказании бросившего вызов небесам Дон Жуана.

²³ A. Zottoli. Op. cit., p. 155.

²⁴ «Mémoires», vol. II, p. 38.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 420.

вниманием к чувствам других, его заботило исключительно лишь собственное наслаждение, сиюминутная радость жизни ничтожного социального паразита на теле деградирующего дворянства.

Казанова никогда не задумывался всерьез о будущем, не строил никаких планов, руководствуясь лишь горацевским «пользуйся моментом». «Он был без царя в голове», — резюмировал свои впечатления от прочтения «Мемуаров» Альфред де Мюссе²⁶. О себе Казанова писал, что живет, «как бы импровизируя в стиле итальянской комедии». Современные авторы усматривают в его жизни идеальный хэппенинг, где события лишены видимой причинной связи²⁷. Такого рода аналогия, конечно, грешит «осовремениванием» героя «Мемуаров», но в ней есть и зерно истины: несомненна нравственная переключка «конца века» буржуазного с «концом века» феодальным.

После того как пределы владений христианнейшего короля оказались ему казаны, Казанова нигде уже больше не задерживался подолгу. Как перекасти-поле, его носит с места на место, мелькают города и годы, империи и королевства, калейдоскопически сменяются лица — то это монархи и сиятельные князья, то карточные шулера и комедианты, то философы и музыканты. Он сам, как перчатки, меняет личину, а заодно и имя: то он Якоб фон Кассанеус, то Жак Казнёв, то даже Яков Иванович Казанов; в Швейцарии он придумывает себе титул «шевалье де Сейнгальт». Везде он старается вести «парижскую жизнь» — в Берлине и Москве, в Лондоне и Варшаве. Кошелек его нередко пуст, но зато всегда при нем его, как сказал бы Панург, «63 способа добывания денег». Он не всегда знает, куда держит путь, предпочитая «сообразоваться с обстоятельствами». В Айяшидельне, в Швейцарии он неожиданно принимает решение постричься в монахи, попросившись в бенедиктинский монастырь. Он уже примерял рясу, как вдруг мелькнувшее в окне подкатившей к гостинице кареты женское лицо побуждает его забросить и рясу, и клобук и уже никогда больше к ним не возвращаться.

В голове у авантюриста всегда роятся всевозможные прожекты. Австрийскому императору он подробно излагал свой план борьбы с ростовщичеством и оздоровления австрийских финансов. Екатерину II долго и настойчиво, хотя и безуспешно, убеждает ввести в России грегорианский календарь. Фридриху II предлагает свой парижский проект лотереи. Лотерея прусского короля не заинтересовала, но он обратил внимание на воинскую статью венецианца и на его невесту откуда взявшиеся познания в военном деле и предложил ему возглавить кадетский корпус, от чего Казанова, однако, отказался.

В одних случаях венценосные особы благосклонно выслушивают «шевалье де Сейнгальта», в других — бесцеремонно его изгоняют. Именно так поступили с ним в Польше, во Франции, в Испании. Причиной его изгнания из Польши послужила светская дуэль с графом Браницким. В Варшаве Казанова был оскорблен графом в артистической уборной местной примадонны и послал ему вызов, с трепетом ожидая, будет или не будет Браницкий драться. Дело в том, что обидчик был одним из самых могущественных вельмож королевства, фаворитом короля и главой «русской партии» при дворе, он мог попросту игнорировать проходимца, чем нанес бы непоправимый ущерб и без того шаткому светскому статусу последнего. На счастье авантюриста, Браницкий очень заботился о своем реноме и, боясь прослыть трусом, принял вызов. К месту дуэли он прибыл с панской пышностью, в сопровождении отряда улан, тогда как его противник явился даже без секундантов. Дуэль едва не оказалась роковой для графа — он был тяжело ранен, Казанова же отделался царапиной. Разъяренные уланы намеревались было прикончить дерзкого бретера, но его спас не потерявший сознания Браницкий, который, памятуя о своем реноме, приказал не трогать его. Все же Казанове пришлось потом отсиживаться в костеле от панских слуг, а заодно и от врачей, желавших во что бы то ни стало ампутировать его легкораненную ногу, пока по приказу короля его не выдворили за пределы страны. Зато эта шумевшая дуэль стала для авантюриста чем-то вроде верительной грамоты в светских салонах Европы.

В Париже (куда ему позволили было вернуться) Казанове захотелось повторить свой варшавский «подвиг». В театре он повздорил с неким герцогом и тотчас его вызвал на дуэль. Но тщетно ожидал он поздним вечером аристократа в условленном месте:

²⁶ A. Zottoli. Op. cit., vol. I, p. 125.

²⁷ J. Masters. Op. cit., p. 289.

герцог не явился. Зато на следующее утро королевским предписанием венецианцу было повелено в 24 часа покинуть Париж, а затем и пределы Франции. В Мадриде с ним в этом отношении обошлись более «милостиво», предоставив на сборы педельный срок. Сначала он весьма успешно «гастролировал» в Испании и даже почти добился своего назначения губернатором в заокеанской колонии. Но потом за разного рода прегрешения угодил в тюрьму и был вынужден оттуда лишь заступничеством влиятельных покровителей.

В конце концов бремя лет и приключения подточили организм авантюриста. Он выглядит уже не столь авантюжно, как прежде; амбиций у него поубавилось, фортуна все чаще оборачивается к нему спиной. В поисках пристанища он обращает взоры к родной Венеции. Из Рима, где он временно проживает, Казанова адресует властям лагунной республики покаянные письма, обращается с просьбами к папе. Папское посредничество помогло ему выхлопотать милостивое прощение, и осенью 1774 г., после 18-летнего отсутствия, «блудный сын» возвращается в город на каналах.

Здесь он отработывает дарованное ему прощение: пишет патриотические памфлеты, в которых воздает хвалу «мудрости» Сеньории и даже поет дифирамбы венецианским тюрьмам. Кроме памфлетов, он пишет доносы на сограждан (в архивах сохранилось 48 его доносов инквизиторам), которые ему оплачивают поштучно. Вчерашний скандалист, таким образом, вполне закономерно трансформировался в платного доносчика и шпиона на службе «отцов республики». Правда, плата за его доносы невелика, но Казанове при его отощавшем кошельке уже не приходится быть чересчур притязательным.

Но и этому относительно благополучию скоро пришел конец. Видимо, «не суждено» было мессеру Джакомо окончить свои дни на берегах Адриатики. Виной тому оказалось его злословие: из-за него он опять перессорился с венецианскими патрициями и вынужден был вновь покинуть город, на этот раз уже навсегда. В январе 1783 г. стареющий авантюрист, проклиная судьбу, еще раз пустился в путь — на север к заснеженному Бреннеру.

Из Вены, куда он прибыл, Казанова первым делом поспешил отомстить лагунной республике. Ему удалось подбросить в отправленную в Венецию дипломатическую почту письмо с грозным «предсказанием»: в день 25 мая 1783 г. «город св. Марка» будет разрушен землетрясением и провалится на дно Адриатики. Суеверие было свойственно его согражданам не менее, чем самому Казанове; была жива и память о поразившем Европу лиссабонском землетрясении 1755 г. («ясновидцы» пророчили что это «начало конца») — так или иначе, предсказание возымело действие; многие патрицианские семьи поспешили покинуть город, резко упала стоимость земельных участков, пострадала коммерция. Паника улеглась только после того, как миновал «роковой» день и зеркальная гладь лагуны осталась неподтопленной.

Автор этой злой шутки еще не раз предлагал свои услуги республике, и однажды республика ими воспользовалась: это было на происходивших в начале 1784 г. в габсбургской столице венецианско-голландских переговорах, где Казанова фигурировал в качестве секретаря венецианского посла. В Вене он еще вынашивает разнообразные прожекты: то он намеревается основать газету в Париже, то прорыть канал между Нарбоном и Байоной, то захватить Мадагаскар, пытается организовать перелет на воздушном шаре через Альпы (незадолго перед тем совершили свой первый полет братья Монгольфье). Но впереди авантюриста уже ждала «тихая пристань». Поворотной оказалась для него встреча с австрийским фельдмаршалом князем де Линь и его племянником графом Вальдштейном. Граф был франкмасоном и, кроме того, увлекался кабалой, он предложил венецианцу место библиотекаря в своем замке в Дуксе²⁸, в Богемии; это предложение за неимением лучшего было принято.

В Дуксе Казанова провел последние 13 лет жизни. В своей обширной корреспонденции в этот период он часто изображает себя этаким презревшим житейскую суету философом. Он и раньше представлялся (там где это было нужно) литератором, человеком, озабоченным исключительно вопросами «приращения наук и искусств». Но тогда Казанова лишь урывками брался за перо, теперь же он уверяет, что

²⁸ Ныне г. Духцов в Северо-Чешской области. В замке теперь музей Казановы.

литература — его «истинное призвание». Затворившись в богемских лесах, «князь авантюристов» задумал сравниться с «князьями духа», сравниться или даже затмить первого из них — «фернейского мудреца» (хотя Казанова и считал себя вольтерьянцем, но Вольтер относился к нему презрительно).

Образ удалившегося от мира отшельника плохо вяжется с действительной жизнью Казановы в замке. Вынужденный оказывать жизнь так же, как он ее начал — приживалом, Казанова в этом качестве себе не изменил: Бригелла остался Бригеллой. Его дуксовские будни заполняла непрерывная мелочная «война» с немецкими слугами графа, никак не желавшими признать этого всюду сующего свой нос старого итальянца за важного господина. Особенно неистовствовал венецианец, когда его обносили за столом. Дело в том, что мессер Джакомо считал себя тонким гастрономом, и даже его склонность к прекрасному полу со временем все более уступала место куда менее романтической склонности к чревоугодию: «не будучи больше сатиром в рощах, он сделался волком за столом», — заметил де Линь²⁹. В отместку за непочтительное обхождение Казанова честил графскую дворню то «тевтонскими свиньями», то «якобинцами», без усталости интриговал, клеветал, ошельмовывал.

Что касается его литературной деятельности, то она в этот период действительно чрезвычайно активна и многообразна. «Опыт о нравах, науках и искусствах», книга о Бернарде де Сеп-Пьере, «Размышления о самоубийстве», исторические этюды и критические эссе, пьесы и оперные либретто, трактат «О женской психологии», толстый утопический роман, стихи, поэмы — вот беглый перечень написанного Казановой в эти годы. Он начинает, но не заканчивает перевод «Илиады», готовит «Историю мятежей в Польше» (вышло два тома из намечавшихся семи), составляет «Энциклопедию сыров», занимается вопросами философии, теологии, точных наук.

Осенью 1790 г. он садится за «Мемуары» и продолжает работать над ними до конца дней. Все прочие его произведения были едва замечены современниками и не удостоились внимания потомства. Что же касается его воспоминаний, то тут надо отдать ему должное — «Мемуары» несомненно удались Казанове, в них он сумел «найти себя» как литератор (не случайно же искушенные филологи заподозрили в их авторстве самого Анри Бейля). Венецианец рассказывает историю своей жизни с протокольной сухостью, откровенно, но без надрыва исповеди — ни в чем не раскаиваясь, даже смакуя свое прошлое.

И он с тем большей охотой погружается в это прошлое, что его пугает настоящее. Начиная с 1789 г. развитие событий во Франции, а потом за ее пределами принимало такой оборот, какого не могли предвидеть никакие ясновидцы и прорицатели. Европа напудренных аристократов — та Европа, в которой Казанова катался как сыр в масле, — агонизировала в конвульсиях. Даже сам неутомимый насмешливый Фигаро сделался ворчливо-осторожным (в «Преступной матери», завершающей трилогию к тому времени сильно поправившего Бомарше). Казанова в своей богемской глуши брзжжит и анафемствует, негодуя по поводу происходящего во Франции «всеобщего крушения». Подобно многим «заразившимся» в свое время вольтерьянством, он отрекается от фернейского безбожника, предаёт остракизму его нечестивые книги. Он пишет длинное, на 120 страницах, бранное письмо Робеспьеру, рассылает письма власть имущим во всей Европе, призывая их заключить парижских «разбойников в клетку»³⁰, преследует «крамолу» в самом замке. Когда с наступлением ночи громадный замок погружался во тьму, одно окно в нем обычно горело допоздна — это старый авантюрист исписывал один за другим листы бумаги своим размашистым почерком.

Казанова умер в апреле 1798 г. и его могила очень скоро затерялась. Всего лишь на год он пережил «Республику св. Марка». Утром 12 мая 1797 г. в последний раз собрался венецианский Большой совет и 120-й дож Людовико Манин объявил о том, что республика не в состоянии противиться иностранному вторжению. В тот же день в город вступили французские войска. Спущен был красно-золотой штандарт св. Марка, его место занял трехцветный флаг республиканской Франции, берега лагуны огласились громовыми звуками Марсельезы, возвещавшими о наступлении новой буржуазной эпохи.

²⁹ Le prince de Ligne. Op. cit., p. 193.

³⁰ P. Molmenti. Carteggi casanoviani. Milano, [s.a.], p. 371.